



У Алексея Константиновича Толстого в драме «Царь Борис» на первых же страницах появляются не иноземные послы или придворные, а прибывший к дарю воевода Воейков. Он молвит:

Великий царь! Господь тебя услышал:
Твои враги разбиты в пух и прах!
Воейков я, твой Тарский воевода,
Тебе привезший радостную весть,
Что хан Кучум, свирепый царь сибирский,
На Русь восстать дерзнувший мятежом,
Бежал от нас в кровопролитной битве
И пал от рук ногойских мурз. Сибирь,
Твоей опять покорная державе,
Тебе навек всецело бьет челом!

Нам никогда не узнать, действительно ли Андрея Воейкова, героя своей эпохи, царь принимал раньше, чем иноземных послов, однако хочется в это верить.

В фундаментальном труде «История государства Российского» Николай Михайлович Карамзин писал: «Град Тарский служит неодолимой твердыней от всяких бывших кучумских гнусников». Так начала греметь по стране слава героического города, и Тару стали ассоциировать с воинской доблестью и не-сгибаемостью духа.

Порой в иных газетных статьях, где нынешняя Тара показывается неприглядной и едва ли не отсталой, можно прочесть, что само слово «тара» тюркского происхождения и означает «болотистое, низменное место». Удобный довод для тех, кто привык искать в сибирском городе лишь негативное. «Тару называли в честь болота», — самодовольно замечают они, не удосужившись заглянуть в топонимический словарь. А в словаре черным по белому значит, что, если и произошло название от тюркского «тар» (что не обязательно истинно — народов и наречий в здешних краях было намешано много), само слово «тар» значит «узкий» и относится к реке Таре, врезанной своим узким руслом в плоскость ландшафта. А «низкое, топкое место» именуется в тюркском языке «багно».

Однако есть еще одна, мистическая версия. Якобы река, а затем и город получили свое название в честь буддийской богини Тары. Прощудив индийские предания, приверженцы этой легенды уверяют, что Рама привел собственный народ на полуостров Индостан с территории Западной Сибири, где в глубокой древности стоял храм Ханумана. Мало того, жрецы Ханумана владели магическим кристаллом, что был ниспослан им из космоса. Кристалл способствовал духовному возвышению человечества.

В последние годы все больше приверженцев этой теории приезжают на берег реки Тары, в деревню Окунево Муромцевского района, где, по их мнению, сконцентрирована мистическая сила кристалла.

Город бунтовщиков

Жизнь легендарного города менялась с невообразимой быстротой. Границы русского государства сдвигались на восток, и прежде находившаяся на переднем крае обороны, выдержавшая множество осад Тарская крепость осталась в тылу. Население искало себя в торговле и промыслах. В 1599 г. неподалеку от Тары была заведена первая в Сибири «государева десятинная пашня», Тара активно снабжала солью население Западной Сибири, добывалась пушнина.

Так продолжалось до 1722 г., когда Петр I издал указ, согласно которому правящий император отныне мог по своей воле назначать наследника престола, преемника. Всех подданных надлежало немедленно привести к присяге еще не названному наследнику. По всей стране, то тут, то там, начали вспыхивать локальные бунты и волнения.

Вскоре новость о предстоящей присяге дошла до старообрядческих скитов, а оттуда, значительно дополненная, ставшая пугающим предзнаменованием бедствий, добралась до Тары. Возможно, это случилось прежде, чем пришло официальное указание из Тобольска.

Старообрядцы уверяли, что присягать неназванному наследнику — все равно что верить себя тому, кто не имеет имени, не называет себя, а значит, присягать предлагается Антихристу. Испуганные такими умозаключениями тарчане присягать отказались. В отличие от большинства волнений этого периода протест поддержали и представители власти, уверенные в незыблемости авторитета старообрядцев.

Весть о назревающем бунте не на шутку встревожила Петра. Он усмотрел в тарском неповиновении угрозу устоям царской власти. Для умирения бунта из Тобольска выдвинулся военный отряд из двух пехотных полков и двухсот татарских конников при поддержке артиллерии. Карательный рейд возглавил полковник Батасов, который 14 июня 1722 г., к полнейшей неожиданности жителей Тары, ворвался в город.

Историк Петр Словцов позже писал о происходящем: «До тысячи человек, в деле замешанных, казнено. Не одна будто бы тысяча разослана по Сибири. По всем дорогам, выходящим из Тары, стоят большие деревянные кресты, по словам жителей, для молебствий, по словам же других, для напоминаний казней, тут свершившихся».

Зачинщиков сажали на кол, обезглавливали, четвертовали. Такая участь была уготована более чем семистам жителям мятежного города. Рядовых участников бунта наказывали ударами кнута. Сотня ударов — мужчине, пятьдесят — женщине, после чего приводили полуживых тарчан к присяге и отправляли на вечную каторгу.

Далеким и страшным эхом Тарского бунта стали десятки самосожжений жителей скитов, в результате которых гибло иногда до шестисот человек. Историки замечают, что и много лет спустя в числе поджигателей бунтов были беглецы из Тары. Искры этого пожара позже помогли разгореться пугачевщине.

После смерти Петра I и восшествия на престол Екатерины I Сенат объявил амнистию оставшимся в живых участникам бунта, однако тобольские власти еще усерднее принялись искать и наказывать бунтовщиков. Преследование продолжалось и десятилетие спустя.

Говорят, что бунтовщики, казненные в Таре, похоронены на небольшом островке на реке Аркарке. Священнослужители и краеведы утверждают, что нужно как можно скорее отыскать останки людей, закопанных без надгробий. Некоторые уверяют, что в городе все «не слава богу» исключительно потому, что город проклят, пока не упокоены участники бунта. В том, что останки земляков необходимо отыскать и достойно перезахоронить, согласны все. Ранним утром, когда над Аркаркой рассеивается туман, можно увидеть, как ползут по речной глади тени от растущих на островке деревьев. Люди поговаривают, что это тянут руки к берегу жертвы бунта, да все никак не могут дотянуться. Вот уже триста лет...



Неуважительное отношение к памяти предков — одна из бед ныне живущих поколений. Например, заросший деревьями, мрачный парк на окраине, называемый Комсомольским парком, когда-то был старейшим в городе Тихвинским кладбищем. Веками на нем хоронили жителей Тары. Старики рассказывали краеведам, что лично видели каменные надгробия, семейные склепы богатейших купцов Сибири. Однако в советское время кладбище сровняли с землей, а местные жители растащили могильные плиты для хозяйственных нужд. Десятилетиями находили надгробия то в качестве фундамента крыльца, то вместо груза при засолке капусты в объемистых кадках. Жуткий, иррациональный разрыв с родовыми корнями и нравственными ориентирами.

Лишь в 2016 г. в парке начали проводить регулярные субботники, а краеведы, заручившись поддержкой археологов, отыскивали фундамент Тихвинской кладбищенской церкви, поставили на ее месте деревянный крест и создали мемориальный комплекс.

После Тарского бунта ратные подвиги тарчан старательно вымарывались из победной летописи государства, богатая и трагическая история ждала своего часа, чтобы открыться далеким потомкам.

За какие-нибудь 10—15 лет Тара начала превращаться в ничем не примечательный провинциальный городок. Однако проложенный через город участок Московско-Сибирского тракта вновь вернул Тару в число значимых торговых и транспортных центров. Начало богатеть местное купечество. В 1782 г. Тара стала уездным городом Тобольской губернии, а в 1785 г. город высочайше пожалован гербом.

Город на тракте

Московско-Сибирский тракт — самая длинная дорога на земном шаре, тянущаяся от Москвы до Тихого океана на девять тысяч километров, — проходит через судьбу Тары красной нитью. На тракт, словно бусины, нанизаны важнейшие города: Владимир, Нижний Новгород, Казань, Пермь, Екатеринбург. Далее тракт шел через Сибирь, являясь основным путем, связывающим Зауралье с Европейской Россией.

С середины 1730-х гг. по приказу Анны Иоанновны началось строительство дороги из Тобольска в Тару. Приближенные императрицы считали подобную идею неразумной. Это было связано с тем, что дорога строилась не по кратчайшему пути вдоль Иртыша, а через тайгу и труднопроходимые топи.

Многие исследователи до сего дня задаются вопросом, почему Анна Иоанновна приняла решение строить дорогу именно этим путем. Возможно, императрица стремилась вернуть бунташной Таре прежнее значение, демонстрируя тем самым, что она готова принимать иные решения, нежели ее предшественники.

В 1735 г. было решено заселить Аевский волок. Добровольно обосновываться в болотистой местности никто не желал, тогда столичные власти решили населить волок ссыльными. Возникла цепь поселений: Аевский Волок, Верхавка, Решетино, Становка, Форпост.

Окончательно участок Тобольск — Тара был обустроен в 1745 г., а через город проходил по одной из старейших улиц — Никольской, где в 1771—1774 гг. был возведен величественный Николаевский (Никольский) собор.

Общая высота храма составила двадцать пять метров, а на колокольне установили шесть колоколов, самый большой из которых весил свыше двух тонн.



Никольский собор

Это был красивейший храм Тары, один из наиболее значительных в Сибири, однако в 1938—1940 гг. собор был разобран на кирпичи, из которых затем построили здание педучилища. Из шести красивейших белокаменных храмов Тары уцелел лишь Спасский. И сейчас, когда в ясную погоду на Спасском кафедральном соборе звонит колокол, эхо множит его звон и кажется, будто колоколят все шесть храмов.

Уже в начале XIX в. четырехсотверстная дорога от Тобольска до Тары входила в разряд «главных почтовых дорог», как было указано на «Дорожной Карте Российской Империи». Путешествуя по тракту, в Таре побывал ученый Петер Симон Паллас, художник Знаменский.

Известны воспоминания Александра Николаевича Радищева, написанные им в 1791 г. по пути в илимскую ссылку: *«Подъезжая к Таре и по ту сторону Тары при въезде многих деревень стоят деревянные кресты. Город Тара стоит половина на пригорке, половина внизу, примкнув одним углом к Иртышу. В Таре промышляют кожевенным мастерством, кузнечным. Торгуют салом в Петербург, на линию, с киргизами»*. Спустя шесть лет, в 1797 г., он метался по Таре в поисках лекаря для тяжелобольной супруги Елизаветы Васильевны, простудившейся на обратном пути из ссылки. Лекаря не нашел, помчался в Тобольск, но спасти супругу не смог. О такой Таре Радищев не писал никогда...

Как бы ни меняла история облик города, печать пристанища ссыльных и бунтовщиков неотступно преследовала Тару веками. В Тару были сосланы: видный деятель Северного тайного общества В. И. Штейнгель, революционер-народник, историк и этнограф С. П. Шевцов, народоволец В. П. Перовский, революционный агитатор В. С. Любатович и др.

Неспокойный город

Некоторые ссыльные активно участвовали в общественной жизни города (например, Перовский выступал против бесчинства полиции), однако в большинстве случаев скорее действия ссыльных угрожали безопасности горожан. Так, Карл Мокрицкий не являлся на церковные службы и вообще вел себя не-